

Окопная правда Первой мировой войны

100 лет назад завершилась первая высокотехнологичная бойня

11 ноября в 5 часов 10 минут утра в железнодорожном вагоне французского маршала Фердинанда Фоша в Компьенском лесу было подписано перемирие, положившее конец Первой мировой войне. Та война не только перекроила политическую карту Европы, раскрошив на осколки четыре империи, но оставила после себя шлейф посттравматического синдрома, живыми свидетелями чему могли послужить... 55 миллионов раненых и изувеченных.

В первые годы после наступления долгожданного мира на восприятии британцами «Большой войны», или «Великой войны» (The Great War) наложило свой отпечаток не столько осознание ущерба, нанесенного генофонду нации, сколько символическое нежелание ветеранов, увешанных наградами, заслуженно почитаемыми, участвовать в героизации своего ратного труда.

В британской историографии их нередко называют «молчаливое поколение» (“the silent generation”). Их молчание однажды было прервано, когда в 1964 года на радио Би-би-си подготовили серию передач на основе интервью с теми, кто выжил и был ещё жив.

Далеко не все записанные на диктофон рассказы старых солдат появились в эфире. Сейчас уникальные свидетельства очевидцев самой первой высокотехнологичной бойни, которая унесла жизни до 10 миллионов людей в униформе и до 12 миллионов некомбатантов, находятся в свободном доступе и позволяют представить переживания участников без прикрас и полунамёков.

...«Как только ты перемахиваешь через бруствер окопа, страх тебя покидает и его место занимает ужас. Ты не смотришь, но ты видишь. Ты не вслушиваешься, но ты слышишь. Нос заполняется дымом и запахом смерти. Язык прирастает к небу... Тебя загоняют обратно в джунгли. Слой цивилизованности опадает с тебя». Такие слова нашёл для передачи своих ощущений Ричард Тобин, прошедший ту войну.

Эдвард Глендиннинг, служивший в пехотном полку Ноттингемшир и Дербишир» (образован в 1881 году), бойцов которого называли «Лесники Шервуда», живо описал пейзаж после битвы, длившейся целые сутки. *«Посреди поля словно лежало стадо овец... многие были ещё живы; они плакали и просили воды. Хватали нас за ноги, когда мы проходили мимо. Один толстяк ухватил меня за обе ноги сразу и не отпускал».* Глендиннинг хотел было напоить его, но прозвучала команда не останавливаться. *«Все эти годы, - признался ветеран, - мольба того парня меня преследует».*

Бенджамин Ричардс, сапёр из Корпуса королевских инженеров, вспоминал, какой психологический шок вызывали непрерывные артиллерийские обстрелы. Солдаты переставали себя контролировать. *«Это было привычное зрелище, когда бойцы... вставали и начинали ходить кругами, точно овцы, и так они коловращались, пока прилетевшие снаряды их не приканчивали».*

Алан Брей, служивший в Уилтширском полку, был добавлен в расстрельную команду, которой

предстояло лишить жизни четырёх дезертиров из Вустерского полка. Брей отказался стрелять. *«Я думаю, я понимал, почему они дезертировали».*

Один неназванный ветеран поведал другую страшную правду о том, как они между собой называли жертв германских артиллерийских обстрелов, когда случалось прямое попадание. *“Blown to pennies”.* «Разлетелся на пенни». Ни один из кусочков разорванного на куски тела не был больше этой мелкой монеты.

Джон Палмер, наводчик, служивший в Королевской полевой артиллерии, который был награждён медалью за доблесть, признался в интервью, что однажды он подумывал броситься под колеса повозки, что везла боеприпасы, с целью нанести себе увечья, несовместимые с дальнейшей службой в армии. Но у него не хватило воли решиться на этот шаг. Позднее, когда его ранило осколком германского снаряда, друг пришел на выручку. Но Джон ему сказал: *«Не трогай меня. Оставь здесь. С меня довольно. Просто оставь меня».*

Затем, вспоминал он, *«я начал погружаться в грязь, но меня это уже не волновало. Грязь меня уже более не отталкивала. Она даже показалась защитным покровом, который меня укутывал, и я тогда подумал: если это и есть приближение смерти, то это не так плохо, как представлялось»* (*“It seemed like a protective blanket covering me and I thought to myself, well if this is death, it is not so bad”*).

Схожие сантименты испытывали и противники, те, кто находился по другую сторону линии фронта. В передачах Би-би-си приведены «признательные показания» немцев и австрийцев. Так, Стефан Вестманн, боец 29-й пехотной дивизии, поделился исповедальным откровением. Он проткнул французского капрала штыком.

«Я был быстрее, чем он. Я выбросил вперед свою винтовку, и мой штык впился ему в грудь... Меня чуть не стошнило. Мои коленки дрожали. И я испытывал чувство стыда... Как было бы хорошо, если был он поднял руки вверх. Я бы пожал ему руку, и мы бы стали лучшими друзьями... Почему солдаты кололи друг друга штыками, душили, кидались как бешеные псы? Почему мы бились до смерти, хотя не имели друг к другу никаких личных обид? Мы же всё-таки были цивилизованными людьми» (*“We were civilized people after all”*).

Вильгельм Эйзенталь, австрийский артиллерист, вспоминает перемирие, объявленное на Пасху на восточном фронте. Неожиданно в их окоп прилетел со стороны русских непонятный предмет. Все подумали, что это граната. Взрыва не последовало. Присмотрелись. Это было раскрашенное пасхальное яйцо...

«Окопная правда», как и сама война, – явление многопластовое, многогранное, неоднозначное, но способное послужить сопряжению мнений и оценок у вчерашних противников. Сегодня, когда на авансцену вышло поколение политиков пост-поствоенной поры, не познавших ужасы ни одного из рукотворных апокалипсисов, необходимо с монотонной регулярностью возвращаться, в том числе, и к Первой мировой как хрестоматийному образцу вероломства, коварства, жадности и глупости человеческой.

Владимир МИХЕЕВ